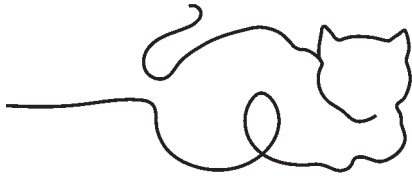

Вступление,

в котором мы с вами
знакомятся и которое
нельзя пропускать

Если вы будете в Нижнем Новгороде и если отчего-то вы вдруг устанете смотреть красивые закаты, восторгаться архитектурой XIX века, посещать музеи и иные достопримечательности... И захотите сделать перерыв от пребывания в важном экономическом, промышленном, научно-образовательном и культурном центре России, то (бог вам судья!) езжайте непременно на юг области, часа два с половиной. Где-то там в глубине плохих дорог и живописных полей вы найдете нашу деревню. Маленькую, но такую уютную: там куры, собаки, кошки и дети гуляют вместе; там до сих пор стоят маленькие несетевые магазинчики, где от товаров вас отделяет прилавок, а все, что вы хотите купить, подает улыбчивая женщина в фартуке — продавец; там жизнь вымирает по ночам, и слышится только пение кузнечиков, лягушек и соловьев. А еще там живут славные люди, которые всегда здороваются на улице, даже если не знают вас. Тем более, если не знают вас! Потому что тогда они не только здороваются, но и уточняют: «Дочка, а ты чья? Николаева? Это Ивана или Владимира? А как звать тебя, дочк? Валерка? Хорошее мужественное имя!» Поскольку даже людей с такой банальной фамилией, как Николаевы, там наперечет, да и всех остальных тоже. Всего около трех тысяч человек на всю деревню.

Будем считать, что с местом действия я вас худо-бедно познакомила, перейдем к знакомству с действующими лицами.

Во-первых, у нас есть папа (попробуй я сказать, что папа — это не «во-первых»). Кое-какое представление о нем вы уже получили, если прочитали предисловие. Папа шутит над всеми, кто встречается ему на пути, но над собой шуток не понимает, ведь считает, что над серьезными людьми шутить не полагается. Папа очень аккуратный и обстоятельный. Он все делает сам, потому что больше таких аккуратных и обстоятельных людей

не существует во всей Нижегородской области (может, и за пределами, но дальше мы не проверяли), и папа знает, что так хорошо, как он, больше не сделает никто. Поэтому папа сам построил наш дом, и, так как строил он его в одиночку в свободное от работы время, заняло у него это девять лет. Да, папа к тому же очень упрямый. А потом он еще построил баню и беседку, и я вас уверяю, вы можете прийти с любыми измерительными приборами и проверить — там тоже кирпичик к кирпичику, а досочка к досочке и вообще все идеально. И весьма серьезно.

Во-вторых, у нас, слава богу, есть мама, которая дана нам свыше для баланса — уравновешивать папину серьезность. Мама у нас мировая. Она черноволосая и очень смуглая, поэтому, когда папа на ней женился, среди родственников пошли слухи, что он привел в семью Николаевых иностранку. Вероятно, из Средней Азии. А мама из Пензы, точнее, из Пензенской области, и если у нее и есть какие-то нерусские корни, то это не корни, а так — корешки, и мы об этом ничего не знаем. И фамилия у нее до папы была тоже вполне нашенская — Топоркова. Папа у нас в семье главный, но почему-то все всегда происходит так, как хочет мама. И чувство юмора, как считается, нам тоже досталось от папы, потому что мама не шутит, она так живет на полном серьезе. Но с ней всегда смешнее, как раз потому, что она и не думала шутить.

Например, когда мама работала в государственном учреждении, у них проводили тесты на выявление антикоррупционных дыр. Мама приходила домой и жаловалась:

— Да что это такое! Я все время заваливаю эти тесты! Я уже не знаю! Там точно какие-то ловушки!

— Там, наверное, очень сложные вопросы? — участливо интересовалась я.

— Ну, например, можно ли принимать от клиентов подарки, — задумчиво поднимала к потолку глаза мама.

- И что ты отвечаешь?
- Конечно, можно, это же ПОДАРКИ!

Подарки им, конечно же, никто не дарил, поскольку в деревне и так все друг друга знают и помогают по дружбе и по-соседски. Но вопросов про соседские отношения в тестах не было, потому что бездушные федеральные тесты не учитывали менталитет сельского населения.

Вот такая у нас мама. Умная, но иногда забавная. Она выбирает в магазине корзинку наиболее гармонирующего с одеждой цвета и не способна положить трубку во время спам-звонков. Видите ли, это невежливо. Еще она очень активная, я бы даже сказала шустрая. Она не подает виду, но она единственная из нашей семьи может поймать муху в кулак, а если человек двигается быстрее мухи, то это о чем-то говорит. Мама и все решения принимает быстро, на эмоциях. И даже когда она (больше сорока лет назад) впервые увидела папу в общежитии Политехнического университета, она сразу всем объявила, что у нее «с этим Николаевым что-то будет».

Еще у нас есть Рита — моя младшая сестра. Разница у нас — целых семь лет, но почему-то один размер одежды и одно чувство юмора на двоих, а еще очень похожий голос и смех. Внешне мы тоже похожи, только я вымахала в длину аж до 175 сантиметров, а Ритка благоразумно остановилась на 160. И еще сестра все время красит волосы в безумные яркие цвета, стрижет все «под ежика», потом привязывает к голове длинные искусственные волосы нового невообразимого цвета, а потом снова ходит с короткими. И ей это все удивительно идет! А когда я высветлила несколько прядей, мне все говорили «очень хорошо, но лучше так больше не делай».

Все, кроме Саши, потому что Саша — самый заботливый в мире муж (хотя мне пока не с чем сравнивать) и по совместительству верный друг. Он меня очень поддерживает. Когда мне предложили написать эту книгу,

Саша весь светился и каждому встречному-поперечному зачитывал вслух письмо от издательства. И это ему еще не нравится, как я пишу! Боюсь представить, как бы он мной гордился, если бы нравилось...

Саша совершенно неконфликтный человек, и даже в военном билете в графе военной специальности у него написано «инструктор по культурно-массовой работе клубов и библиотек». На гражданском языке это означает массовик-затейник. Это все, на что он способен в случае конфликта, поэтому обязанность устраивать семейные скандалы я ответственно беру на себя. Скандалы я, разумеется, устраивать вынуждена, потому что у моего мужа полным-полно недостатков, но прямо сейчас я их вспомнить не могу. Потом как-нибудь допишу, при случае.

У нас с Сашкой есть сын Костя (или Коська), но он пока второстепенный персонаж книги в силу своего небогатого жизненного опыта в четыре года.

А еще в книге фигурирую я. Меня зовут Лера, и должна признаться, что хоть формально я и автор этой книги, я не писатель (вдруг для вас это принципиально и вы не собираетесь тратить время на чтение написанного не пойми кем). Я совершенно не умею сочинять сюжеты и придумывать интересные повороты. Все, на что я способна, это тривиально переписывать происходящее вокруг. Иными словами, фиксировать для протокола. Мне тридцать с небольшим намеком, но пусть мой возраст вас не обманывает, он совершенно никак не связан с серьезностью или, прости господи, мудростью.

Я долго думала, как же представить вам себя. Видите ли, про себя довольно-таки сложно рассказывать так, чтобы это было естественно. Поэтому я придумала описать так. Помните, у Войновича была книга «Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина»? Даже если не помните, я напомню вам один момент. В книге был селекционер, который, вдохновленный опытом Ми-

чурина, все мечтал скрестить родственные растения — картофель и томат. Он хотел вывести такой куст, чтобы клубни были как у картошки, а верхки как у помидора, и в итоге достиг некоторых результатов в работе: листья и стебли у нового сорта получились один-в-один картофельные, а корни точь-в-точь помидорные. Вот примерно так я себя чувствую — у родителей столько прекрасных генов было, а я, как та картошка-помидор, унаследовала спортивный энтузиазм и скорость папы, а логику от мамы.

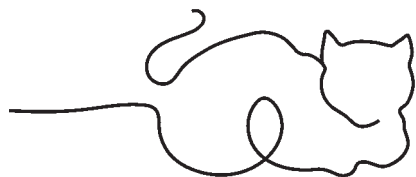
Подробнее о нас я расскажу по ходу изложения, а также познакомлю с остальными героями наших историй. Но имейте в виду, что пусть и не все эти люди мне родственники, я за них стою горой и даже смешное рассказываю исключительно с большим уважением и радостью от того, что они в моей жизни есть.

Хотя у меня уже своя семья и мы живем в Нижнем Новгороде, домом я считаю нашу деревню, где когда-то жили бабушка с дедушкой, а потом переехали и родители. И конкретно тот самый кирпичный дом, который папа построил собственными руками, тот, который наполнен запахом живой новогодней елки, ароматом маминых пирогов и нашими с сестрой глупыми шутками. События этой книги преимущественно происходят именно там, где мы собираемся все вместе и становимся одной большой дружной семьей.

В историях, происходящих с нами, нет ничего фантастического, и в этом их истинная прелесть. Как мне кажется, такие истории происходят во всех счастливых семьях по всему земному шару испокон веков, а значит, я надеюсь, вы поймете происходящее и узнаете в нем своих родителей, а может, и себя. И почувствуете, что, несмотря на то что книга написана с юмором, она еще пропитана теплом и любовью.

Глава 1.

Про то, как мама
пыталась привить
нам чувство стиля

Я решила начать эту книгу как полагается начинать новую жизнь — с нового года, встречать который мы традиционно приезжаем в родительский дом и остаемся на все каникулы в этом непроходящем ощущении детства. Не знаю, как понимаете детство вы, а я считаю, что детство — это место, где не существует серьезных проблем, где молодые и здоровые родители, где деньги не важны, где шум и гам, весело и вкусно, где уютно и пахнет домом. Поэтому да, приезжая в деревню, мы приезжаем в детство. По крайней мере, по ощущениям.

Была зима, и на дворе пышным цветом цвели новогодние праздники. Все длинные выходные мы с Сашкой, Костей и Ритой сыто и лениво проводили в родительском доме. Мы ели разноцветные салаты самых невообразимых вкусовых сочетаний, которые не осилили прикончить за новогодним столом, — мама дала нам возможность реабилитироваться. Мы ходили в гости, относили туда пакеты с подарками и приносили оттуда другие пакеты с подарками, выводя игру вничью. Мы вместе с гурьбой деревенских мальчишек катались на ледянке на самое дно большущего оврага, напоминающего бобслейную трассу, и лепили кривых снеговиков, которые, судя по виду, имели серьезные проблемы с позвоночником и разваливались, стоило нам отвернуться. Мы ходили на праздничную дискотеку в сельский клуб и взрывали салюты прямо рядом с домом, и ни одна автосигнализация не запищала, потому что плотность населения в нашем районе примерно девять человек на квадратный километр (согласно данным интернет-энциклопедии). А плотность машин и того меньше — примерно девять человек на один автомобиль (согласно моим личным наблюдениям).

Однажды мы даже попытались соответствовать маминим ожиданиям и все такие упитанные и неповоротливые из-за недельного превышения всех разумных норм

по питанию отправились на деревенскую лыжную базу, расположенную под тем самым большущим оврагом. Лыжная база разлеглась в пойме местной реки, снабжалась фонарными столбами по всей округности и даже имела снегоход (1 шт.), купленный жителями и администрацией вскладчину. На вершине оврага, в бывшей детской библиотеке, располагался прокат инвентаря, абсолютно бесплатно выдававшегося в пользование желающим приобщиться к спорту, как будто в деревне еще сохранился коммунистический строй. На этом положительные моменты лыжной базы заканчивались, потому что дальше зачем-то предстояло заниматься спортом. Удивительно, но такое безобразие в законные государственные каникулы до сих пор не запрещено! Впрочем, это был единственный наш выход на беговых лыжах, поскольку оказалось, что кататься на них несколько сложнее, чем с горки на попе. Мы хаотично размахивали палками и путались в ногах, обутых в длинные и неуклюжие лыжи. Мышечная память работала в паре с гравитацией, в результате чего мы то и дело обнаруживали себя все на той же попе — единственной части тела, на которой мы умели уверенно передвигаться зимой. В тот день наша семья чуть не сломала пару-тройку ног и таки поломала пару лыжных палок. Денег за порчу общественного инвентаря с нас не взяли (коммунизм!), но мама сказала, чтобы в будущем мы позорились как-то самостоятельно, не портя репутацию еще и ей.

За почти полные две недели выходных мы вконец утомились весело жить и радоваться праздникам.

Мы полулежа ленились перед новогодним телевизором в столовой (у нас в доме так называется комната с большим круглым обеденным столом, маленьким диваном и телевизором — основное место нашей дислокации) и поглощали праздничные трансляции не в силах переключить канал. Со стороны мы, наверное, походили

на семью жуков, перевернутых кверху брюшками и беспомощно, но и без особого энтузиазма иногда шевелящих лапками. Из спальни высунулся только проснувшийся после дневного сна помятый папа.

— Что смотрите? — Он окинул взглядом сытые и скучающие лица собравшихся.

— Да вот, — я вытянула руку в сторону экрана, светившегося голубым, — «Лебединое озеро» показывают.

На главном канале страны шло специально поставленное к Новому году ледовое шоу по мотивам известного балета Чайковского.

— А что, президент умер? — внезапно всполошился папа, услышав о трансляции, которая в уме советского человека вызывает прочно закрепленную ассоциацию, но, посмотрев на праздничную атмосферу, царившую в телевизоре, успокоился.

— А поехали в Москву гулять! — вдруг предложила мама, которая не умеет просто спокойно отдыхать. Ей обязательно нужно куда-то идти и что-то делать. Она единственная из нас, кто круглый год дважды в неделю ходит в бассейн, для чего круглый год дважды в неделю заставляет папу везти ее в другой район (в нашем нет бассейна). К тому же зимой мама катается на беговых лыжах, а летом бороздит окрестности по шестнадцать километров на велосипеде. А когда ей поменяли поочередно оба тазобедренных сустава и она не могла какое-то время заниматься спортом, она научилась плести из лозы. Сплела нам корзинки, вазы, шкатулки и даже новогоднюю гирлянду из оленей, избушек и снежинок. Если бы ее снабдили достаточным количеством бумажной лозы, она, несомненно, оплела бы и дом с забором, и баню, и беседку, и даже собачью будку.

— Может хотя бы в наш город? — лениво промямлили мы, потому что трястись в поезде до Москвы на сытый желудок совсем не хотелось.

— Ладно, — махнула на нас рукой мама, — поехали гулять в Нижний.

Поэтому в конце новогодних каникул всем нашим дружным коллективом семейного цирка шапито мы отправились в город догуливать выходные. Планов у нас было много — бесцельно шататься по украшенным улицам, умирать в голодных муках, ожидая заказ в переполненных народом ресторанах, и обязательно сходить в бильярд.

В первый день после приезда Рита уехала к себе, чтобы отдохнуть в тишине и набраться сил, а родители остались у нас с Сашей. Вечером мы договорились все вместе пойти в ресторан, расширять границы и пробовать все то, что родители до этого момента не считали съедобным: устриц, морских ежей и всяких других беспозвоночных. А до вечера, так как мы уже были в городе, на территории капиталистического мира, мама решила отправить папу в магазин покупать куртку. В деревне верхнюю одежду можно купить на рынке, но он бывает раз в неделю до обеда, и зимой почти никто не приезжает. Не только мерить одежду на улице зимой холодно, но и продавать. Есть еще второй вариант — воспользоваться маркетплейсом, но это противоречило папиным принципам — пощупать, прежде чем проявлять заинтересованность.

Мама у нас модная и ценящая стиль, а оттого она смотрит все телепрограммы, где «некрасивых» женщин передевают в «красивых», и потом применяет полученные знания на подопытных нас. Помню, как в детстве мне до одержимости хотелось такой волнительно пушистый и абсолютно огнеопасный, потому что состоящий из стопроцентной синтетики, свитер цвета «вырви глаз». Девочки-подростки, носившие подобное, выглядели как сгустки китайской мишуры и тем самым производили на одиннадцатилетнюю меня неизгладимое впечатление, рождая где-то в глубине живота плавающую зависть.